

Иосиф Бродский

География зла

Потому что человек в состоянии уразуметь только то количество зла, на которое он сам способен, все попытки художественного или документального описания преступлений, производимых в государственном масштабе, обречены на неудачу. Поле деятельности каждого из нас ограничено 2-3 лицами, и все, что выходит за пределы этой цифры, превращается в абстракцию. В этом — залог безнаказанности режимов, проводящих массовые репрессии.

Теоретически, адекватный анализ и осуждение преступлений (того или иного) государства может быть осуществлен только другим государством. На практике же необходимым условием Нюрнбергского процесса оказывается мировая война. Не случись ее, мы бы по сей день внимали соловьям, поющим о «международном праве», «национальном суверенитете» и «политике невмешательства» во внутренние дела Третьего Рейха.

По счастью, идея «национального суверенитета», парализуя этику государства, не в состоянии парализовать этику индивидуума. Хотя и с риском для жизни, индивидуум может позволить себе роскошь собрать показания свидетелей и учинить свой Нюрнбергский процесс. Именно это — обвинительный материал и самое обвинение — и представляет собой «Архипелаг ГУЛаг» А.Солженицына. Читатель приглашается принять участие в процессе в качестве наблюдателя. Несомненным преимуществом участия в данном разбирательстве является то, что от вас не требуется предварительного пролития ни своей, ни чьей бы то ни было крови. Другое дело, захотим ли мы участвовать.

Первое возражение: книга слишком длинная; в наше время мы привыкли иметь дело со сфокусированным материалом. Фотографиям и фильмам везет больше, чем книгам, именно в силу их моментального характера. Но и психологические последствия просмотра этих фотографий и фильмов также моментальны, фрагментарны. Фотография/фильм есть комфортабельная форма истины, не требующая нравственной

оценки со стороны зрителя, ибо этический выбор совершен уже самим фотографом, нажавшим на спуск. Своим представлением о Дахау или Хиросиме рядовой американец обязан скорее телевизионному экрану, чем собственным умозаключениям¹.

Но количество нажатий на спуск меньше количества нажатий на гашетку². Всякая книга зла длинна и монотонна, но таковы особенности жанра, ибо жанр этот — эпический. И писатель, о котором идет речь, писатель эпический. Эстетические критерии нормальной художественной литературы здесь неприменимы, как и неприменимы критерии нормального общества к самому феномену. Подвергая данное произведение литературоведческому анализу и автоматически приходя к неутешительным результатам, мы обманываем самих себя³: это как игнорировать гул бомбардировщика, ссылаясь на Моцарта. Бомбардировщик продолжает гудеть, и звук этот становится все громче. Нам надо что-то делать с нашими эстетическими и этическими критериями; в противном случае нас ожидает страшный сюрприз.

Зло не заботится о гармонии, и сила его — в рутине. То же самое можно сказать и об этой книге. Она *недостаточно* длинна, и два тома, которые еще остаются англоязычному читателю, тему не искупают: о шестидесяти миллионах насильственно умерщвленных рассказать невозможно, даже если попытаться, как пытается Солженицын, обнаружить стереотипы. Стереотип, однако, прием, и писателю приходится прибегать к приему, в то время как смерть к приему не прибегает и всякий раз индивидуальна.

Солженицын, полагаю, сознает это, и сознает, что его попытка обречена. Отсюда — объем этого произведения, а вовсе не потому, что автор мыслит о себе в категориях автора «Человеческой комедии». Следует только приветствовать, что у него хватило эстетического — как это ни парадоксально — чутья отказаться от «чувства меры», воспитанного в нас литературой девятнадцатого столетия. Беллетристическая технология сведена в «Архипелаге ГУЛаг» к чисто функциональной роли, ибо литература в свете смерти попросту неадекватна. Солженицын начинал как нормальный романист, но, произведение за произведением, мы видим, что форма романа у него, так сказать, расширяется. Существует огромная стилистическая разница между «Одним днём» и «Раковым корпусом»; еще большая разница возникает между «Раковым корпусом» и «В круге первом». От первой книги к третьей мы видим отчетливое размывание границ жанра новеллы⁴. «Архипелаг» знаменует собой полный отказ от нее. Ибо в человеческом Аду больше кругов, чем в Господнем.

Иными словами, новый опыт исключает предшествующие жанры. Литературную критику гораздо больше бы удовлетворило, если б Солженицын развивался в классическом русле, которое на сегодняшний день завершается Беккетом⁵. Но все дело в том, что абсурд — далеко не последнее слово человеческого опыта. После абсурда человека еще можно поставить к стенке или изнасиловать на допросе его жену. Где, в таком случае, оказывается художественная литература?

Короче говоря, литература одомашнивает зло. Интеллектуальное превосходство писателя, автоматически адаптируемое читателями, убеждает последних в их превосходстве над объектом повествования. Солженицын добивается обратного. Средства, которыми он пользуется, чрезвычайно бедны и полностью заимствованы из арсенала «социалистического реализма», но здесь-то они оказываются как нельзя более к месту. Всякое литературное направление имеет свою периферию и свои вершины, и я бы назвал автора «Архипелага ГУЛаг» гением «социалистического реализма». Если советская власть не имела своего Гомера, в лице Солженицына она его получила.

Эта книга написана, безусловно, в первую очередь для русского читателя, но отказываться от ее чтения на этом основании — все равно что отказываться от чтения «Илиады» на основании незнания греческой мифологии и труднопроизносимых имен. Общим знаменателем этих двух произведений является тема разрушения: в одном случае — города, в другом — нации. Возможно, что через 2 тысячи лет чтение «ГУЛага» будет доставлять то же удовольствие, что чтение «Илиады» сегодня. Но если не читать «ГУЛаг» сегодня, вполне может статься, что гораздо раньше, чем через 2 тысячи лет, читать обе книги будет никому⁶.

Зло не есть понятие географическое, но даже если свести его к таковому, то сегодня, когда благодаря техническому прогрессу мы снова оказались в библейской ситуации — на расстоянии брошенного камня — следует попристальной приглядеться к «своему брату». По отношению к жертвам тех или иных катастроф мы всегда занимаем несколько превосходительную позицию: позицию присутствующих по отношению к отсутствующим, большинства — к меньшинству. Но если внимательно посмотреть на глобус, мертвых внутри у него больше, чем живых на его поверхности. Если не читать эту книгу, у нас есть шансы приблизиться к реальному большинству скорее, чем мы предполагаем. Как и все на свете, зло существует на трех уровнях: вероятности, возможности и реальности. Повторение «ГУЛага» или подобного феномена к Западу от Гринвича чисто статистически вероятно, психологически — возможно; что касается его реального лица, то, благодаря Солженицыну, мы обладаем вполне убедительным портретом⁷. К сожалению, фотоаппараты и кинооператоры на территорию лагерей усиленного режима не допускались и не допускаются; если же допускаются, то без камер, и назад не возвращаются. Москва в этом — как и во многих других отношениях — сильно отличается от Сайгона. А в наши цивилизованные времена то, что не появляется на экране телевизора, приравнивается к несуществующему. Поэтому, говоря о «своем брате», мы все время сбиваемся на фразеологию Каина.

Речь идет не о русской паранойе, не о мании преследования: в этом отношении мы, русские, счастливые люди, потому что всякий раз, когда нам кажется, что нас кто-то преследует, выясняется, что это просто сотрудник государственной безопасности. Речь в этой книге идет о человеческом феномене, об уничтожении большинства меньшинством, ибо каким бы гран-

диозным аппарат госбезопасности в СССР ни был, он все-таки значительно уступает числу своих жертв. Речь идет о процессе, чрезвычайно аналогичном самому процессу нашего мышления. В сознании любого убийцы присутствует некий догматический элемент, будь то ревность, месть, жажда наживы или ощущение собственной правоты. Идеальной представляется ситуация, когда ответственность за акцию берет на себя государство (будучи априори ненаказуемо), поставляющее для этой акции идеологический мотив. Идеальной — потому что что может быть идеальней совпадения догмы и инстинкта?

Догма, как таковая, всегда является реакцией на разнообразие выбора. Это обстоятельство снижает национальный колорит «ГУЛага», придавая данной книге зловещую универсальность. Ибо телу решительно все равно, кто в него посылает пулю: «шмайсер» или «калашников». В конечном счете пуля, с ее укусонительностью, есть идеальный выразитель догмы. Что касается нашего автора, то потому, что он довольно долго ходил под дулами как тех, так и других, мировая война для него не кончилась. По крайней мере, он оказался не в числе победителей: 9-го мая 1945 года, когда гремел салют Победы, он сидел в одной из самых знаменитых тюрем победившего государства.

От человека, тело которого, таким образом, явилось общим знаменателем двух зол, из которых ни одно ни меньше, можно ожидать альтернативных предложений, и здесь мы переходим к Солженицыну-публицисту⁸. Авторы сборника «Из-под глыб», в котором Солженицын принимает участие тремя статьями, и автор книги «О социалистической демократии» заслуживают внимания уже хотя бы потому, что они являются как бы питательной средой Солженицына, сами, в свою очередь, питаясь от него. В общих чертах тематику «Из-под глыб» можно охарактеризовать как суммирование опыта России в XX веке, поиск решения, что делать России дальше, в каком направлении ей двигаться и в состоянии ли она двинуться вообще.

Признавая невозможным при существующем аппарате государственного контроля какие-либо попытки радикальных перемен, авторы сосредотачивают свое внимание на индивидуальных путях освобождения из-под гипноза государства; в качестве наиболее эффективных средств предлагается пробуждение религиозного сознания и внерелигиозные системы самосовершенствования. То есть, ревитализация церковных институций или нравственное неповиновение без применения насилия — смесь Толстого и Ганди. Сборник содержит, среди всего прочего, блестящую инвективу Солженицына против нынешней интеллигенции и этим как бы развивает идеи сборника «Вехи» (вышедшего в России полстолетия назад накануне революции), продолжением которого «Из-под глыб» и было задумано.

Для читателя этого полушария «Из-под глыб» представляет главным образом этнографический, познавательный интерес. Потому что ничто не иллюстрирует «статус-кво» лучше, чем описание альтернативы. Другое дело, содержат ли предложения авторов сборника подлинную альтернативу.

Все авторы сборника исходят из той предпосылки, что катастрофа, обрушившаяся на Россию в этом столетии, содержит в себе некий урок — как для самой России, так и для остального мира (последнее во всяком случае верно) — и является как бы испытанием нравственной жизнеспособности нации. В связи с этим хотелось бы заметить следующее: любая катастрофа, включая социальную, суть экзистенциальное явление и, как таковое, смысловой нагрузки на себе не несет, как извержение вулкана. Оценить ее размер можно только по количеству — но не по качеству выживших⁹. Единственный урок, который катастрофа дает, это то, что она *может случиться*. Нравственное состояние нации после катастрофы (особенно социальной) равно нравственному состоянию до катастрофы. Предполагать обратное значило бы предполагать, что революция (по крайней мере, революция 1917 г.) совершается руками нации. Это не соответствует истории (по крайней мере, русской). Революции совершаются политическими группировками и *охватывают* нацию, как пожар в одном доме охватывает квартал. Предполагать обратное значило бы, что коллективизация и террор 36-37 года были делом рук народа. Это также не соответствует истории. Ибо именно народ был объектом коллективизации и объектом террора, осуществлявшимися государством, т.е. другой — пусть и меньшей — частью народа. Иными словами, социальная катастрофа не приходит извне: нация всегда и свой палач, и своя жертва. Боюсь, что любой колхозник понимает это лучше, чем авторы сборника «Из-под глыб», ибо если нация и вынесла что-то из полувекового пожара, это сознание двойственности, амбивалентности своей природы — сознание, присущее России задолго до Октября 1917 года. В человеке две бездны, учил Достоевский, и он не выбирает между ними, но мечется как маятник.

От маятника вылечить нельзя. Русское двоемыслие и двоеречие, сколь бы несимпатичны они ни казались, на самом деле указывают, что этот народ находится ближе к экзистенциальной сути бытия, чем какой-либо иной, предпочитающий правую или левую стенку часового футляра. Солженицын сам утверждает, что граница между добром и злом проходит не по географической карте, но через человеческое сердце. Но при этом он отказывается сделать следующий шаг: признать их соседство данностью, статусом-кво. Он настаивает на том, что Добро победит Зло, — результат примитивно понимаемого христианства: ибо у Господа есть Рай, но у Него же есть и Ад.

Слабость аргументов авторов «Из-под глыб» именно в этом — в животном неприятии идеи/картины экзистенциального ужаса, в трактовке его как результата социальной догмы. Догма — надо отдать ей должное — сделала гораздо больше, чем кто/что-либо для вящего этого ужаса обнажения (вследствие чего она принимает всякое его — ужаса — описание как упрек на собственный счет; отсюда все, что происходит с писателями в России на протяжении этого столетия). Но она только обнажает — порой буквально обнажает — то, что *есть*. В некотором смысле, догма (причем любая) есть всего лишь акселератор: она просто ускоряет процесс осозна-

Старший лейтенант Солженицын в блиндаже.
Шипарня, февраль 1944

ния человеком сущности бытия, и на Страшном Суде могла бы этим ускорением отговориться.

Христианские идеалы, пусть даже примитивно понятия, выглядят, безусловно, привлекательнее «бесклассового» общества; но не следует забывать, что последнее наследует первому. Либо что-то не в порядке с Христианством, как таковым, либо с нашим его пониманием, если такая преемственность оказывается возможной. Поэтому проповедь пробуждения религиозного сознания и восстановления церковных институций звучит несколько неубедительно. К моменту революции на территории России работало 300.000 священников, тем не менее, случилось то, что случилось. На мой взгляд, именно низкое качество церкви на Руси ответственно за весь тот жуткий бред, который имел и имеет место на протяжении последних 3-х столетий. Что касается программы внерелигиозного внутреннего самоусовершенствования, то первым условием авторы «Из-под глыб» выдвигают необходимость жертвы — комфортом, положением в обществе и т.п. Тому подобного не так уж много: по статистике Объединенных Наций, Россия занимает одно из последних мест в смысле уровня благосостояния. Только что выбравшаяся из вековой нищеты, из послереволюционной и послевоенной разрухи, Россия мало-помалу начинает обзаводиться самыми элементарными вещами (по стандартам нашего времени), и сомнительно, чтобы отказ от телевизора, автомашины, двухкомнатной квартиры и финской мебели нашел горячий отклик в сердцах даже лучших представителей населения. От комфорта можно отказаться в третьем поколении, реже во втором и никогда в первом. Призыв к самоограничению, к отказу от благ, поставляемых

государством в обмен на сотрудничество с этим государством, ложен не только потому, что другого источника этих благ нет, но и потому что даже если представить себе «торжество справедливости», оно выразится в том же самом автомобиле, телевизоре, холодильнике, двухкомнатной квартире и заграничной командировке, в той или иной комбинации материальных ценностей. Приравнять обладание недвижимостью к символам нравственной капитуляции — такой же вздор, как приравнять нищету к нравственному торжеству. См. Бангладеш¹⁰. В конечном счете это — вариация на тему «Бытие определяет сознание».

Исключение, пожалуй, составляет статья И. Шафаревича «Социализм», рассматривающая негативный фундамент последнего без христианской предвзятости, но как воплощение негативных начал, содержащихся в самом человеческом бытии. Автор чрезвычайно убедительно очерчивает сюрреалистическую сущность социализма и отвержение им рационального мышления, как такового. Однако, он упускает из виду, что — по Марксу — задачей социализма является выведение нового типа человеческой особи, равно независимой от сил природы и сложившегося социума; т.е. социализм представляет собой всего лишь средство достижения (пусть и абсолютно безумной) цели, в то время как Шафаревич рассматривает его как цель, несправедливо приравнивая духовное самоуничтожение homo sapiens'a к физическому, хотя и не исключено, что социализм, принявший государственные формы, способен осуществить второе прежде первого: практика СССР это только подтверждает, и автор находится под ее гипнозом.

Остальные авторы, при всем разнообразии их стилей и используемого материала, объединяются в одном: в стремлении завершить свои статьи позитивной нотой, чем-то «жизнеутверждающим». Это восходит к учительской и утешительной тенденции русской художественной и философской прозы 19-го века — к тенденции оправдания — в самом широком смысле и на самом высоком метафизическом уровне — существующего порядка вещей. У тенденции этой, естественно, сильный христианский пафос, и все жанры, включая самую жесткую сатиру, как бы освящены ею. Что, однако, хорошо для литературы, то оказывается тормозом для аналитической мысли, и сборник «Из-под глыб» наилучшая иллюстрация зависимости мышления от гармонических законов языка мыслителей, предопределенных литературой. Что делает только честь русской литературе.

Если в нравственном отношении предлагается самоочищение, то в политическом — возврат к теократическому порядку и/или регионализму, децентрализации. Авторы, исключая, как несуществующую (в чем они — правы) перспективу ослабления тоталитарного государства, предлагают его съедобный вариант. Это относится к статье Агурского и, в большей степени, к книге Р. Медведева «О социалистической демократии». Характер этой книги определяется ее названием, в котором «демократии» предшествует прилагательное. Ее психологической предпосылкой является любимая идея желающих себя уважать аппарат-

чиков, что Маркс и Ленин были извращены Сталиным и что на самом деле существующая система — в корне хорошая система; единственно, что нужно сделать, это очистить ее от извращений. Второй предпосылкой является взгляд на демократию не как на идею общества, но как на государственный механизм.

Из этого, прежде всего, следует, что демократию можно приспособить к целям тоталитарного государства, от чего последнее только выиграет. И 405 страниц повествуют о том, как это следует осуществить. В отличие от авторов «Из-под глыб», не верящих в демократические преобразования «сверху», Рой Медведев толкует именно о преобразовании СССР в социалистическую демократию руками партийного аппарата, к верхушке которого эта книга и обращена, как к аудитории, которая одна и способна понять содержание. И, поняв, предпринять что-либо в соответствии с прочитанным. Это — своего рода Маркиза де Помпадур, нашептывающая на ухо кремлевскому Людовику XV-му, что особенно замечательно, это язык Медведева, совершенно в точности воспроизводящий язык партийных официозов. При этом, естественно, автора греет мысль о том, что он действует «по науке», т.е. что в его подходе есть много общего с западными марксистами и экономистами, на которых он часто ссылается. Не будем отрицать: *есть*. Делается все это, безусловно, из самых лучших побуждений: заботы о судьбе своей страны, своего народа, и пафос у этой книги довольно прагматический: посмотрим, что можно хорошего сделать в существующих рамках¹¹.

<...>

На долю России в этом столетии выпал действительно уникальный опыт. Беда в том, что опыт еще не кончился, и попытки его суммирования скорее свидетельствуют о степени отчаяния, чем о степени презрения. Тем не менее, отказываясь от чтения этих книг (даже просто откладывая их в сторону) по соображениям эстетическим либо — недосуга, мы тем самым совершаем этический выбор в пользу зла. Лишенное реальных шансов окончательной победы, Зло поэтому наделено имперской природой, и нынешним обитателям демократий следует помнить о том, о чем ничего не знали граждане Афинской республики.

Примечания

Публикуется по разрешению «The Estate of Joseph Brodsky». Английская версия «Географии зла» опубликована в переводе Барри Рубина (Barry Rubin) в 1977 году: Brodsky J. The Geography of Evil. Review of *From Under the Ruble* by A. Solzhenitsyn et al; *The Gulag Archipelago III, IV* by A. Solzhenitsyn; *On Socialist Democracy* by R. Medvedev // Partisan Review. Vol. 44. № 4. Winter 1977. P. 637-645. Рецензия написана по-русски, черновик ее сохранился в архиве поэта в Нью-Йорке. Текст настоящей публикации подготовлен по черновику, представляющему собой разрозненные листы машинописи с различными частями рецензии и авторской правкой, при сопоставлении их с опубликованным английским переводом. Русский и английский варианты не совпадают, что оговорено в примечаниях. При подготовке текста были исправлены опечатки, расшифрованы сокращения и уточнены названия произведений А. И. Солженицына («Гулаг» за-

менено на «ГУЛаг»). Печатается с сохранением особенностей авторской орфографии, с незначительным сокращением.

¹ В английском варианте за этим абзацем следуют еще два, один из которых, со слов «К сожалению, фотографии и кинооператоры...», завершает 11-й абзац настоящего текста, а другой отсутствует в русской версии: «But man is not monkey to be educated by pictures. As far as truth is concerned, words a better medium than images, for images, after all, are artifacts. *Gulag* is certainly 100 long as *Das Kapital* and *The Interpretation of Dreams*. And in a way *Gulag* sums up these two: together they make a modern man's trilogy: without any one of them the portrait of the human psyche is not complete». («Но человек не обезьяна, чтобы обучаться по картинкам. Что касается передачи истины, слова служат лучшими посредниками, чем изображения, поскольку изображения, в конечном счете, являются артефактами. «ГУЛаг», несомненно, слишком длинен, так же, как «Капитал» или «Толкование сновидений»; и в некотором смысле их суммирует. Вместе они составляют трилогию о современном человеке: без любого из них портрет человеческой души будет неполным».)

² В английской версии эта фраза отсутствует.

³ В английском варианте вместо следующей фразы: «Solzhenitsyn is not out to create a work of fiction here, but a work of truth. Accordingly, he uses literature and its devices as mere tools» («Солженицын стремился здесь создать не произведение беллетристики, но произведение правды. Соответственно, он использовал литературу и ее приемы всего лишь как рабочие инструменты»).

⁴ В английской версии за этим предложением следует другое окончание абзаца и еще один абзац, отсутствующий в русской: «In either case, *Gulag* stands apart from existing genres and mocks both Russian and English literary tradition. It absorbs genres in the same way the *Gulag Archipelago* absorbed lives.

The manner of Solzhenitsyn's narrative fluctuates widely; it includes dry bureaucratic information, stream of consciousness, imitation of folk speech, the elevated tone of formal elegy, the lingo of criminals, parodies of official statements, Turgenev-like passages of beautiful prose. Often this occurs within one sentence, but this is the way Russian speak. If it were not in translation, this book's linguistic fabric alone would give readers shivers». («В любом случае, «ГУЛаг» не укладывается в существующие жанры; он насмехается и над русской, и над английской литературной традицией. Он поглощает жанры так же, как реальный ГУЛаг поглощал жизни.

Манера солженицынского повествования колеблется в широких пределах, включая в себя сухие бюрократические справки, поток сознания, сказ, возвышенный слог правильной элегии, воровской жаргон, пародии на официальные заявления и куски прекрасной прозы в духе Тургенева. Часто все это существует внутри одного предложения, но русские так и говорят. Будь это не в переводе, одна словесная ткань этой книги способна повергнуть читателей в трепет».)

⁵ В английской версии вставлено предложение: «In fact, Solzhenitsyn was quite close to that in certain chapters of *Cancer Ward*». («Вообще-то, Солженицын был чрезвычайно близок к этому в некоторых главах «Ракового корпуса»).

⁶ В английской версии приведенный выше абзац опущен.

⁷ Последующий конец абзаца следует в английской версии за 4 абзацем.

⁸ Это начало абзаца в английской версии отсутствует.

⁹ Это предложение в английской версии отсутствует.

¹⁰ Эта ремарка в английской версии отсутствует.

¹¹ Далее в черновике следующий текст: «Чтоб закончить разговор об этой книге, я бы хотел отослать уважаемого читателя к цитате, хоть и длинной, но зато достаточно красноречивой». Сама цитата не выписана. Приведенная в английском тексте объемная цитата из книги Роя Медведева (Р. 160-161) иллюстрирует высказанную автором выше характеристику. Желающих отсылаем к книге Медведева или к английской версии статьи.

ISSN 0321-2904

Литературное Обозрение

Феномен Солженицына

99'1

99'1
1 (273)

Литературное Обозрение

Журнал
художественной литературы,
критики и библиографии

Издается с января 1973 г.

Москва

Учредитель и издатель —
ООО «Литературное обозрение»

Директор
Виталий Бенкин

Главный редактор
Виктор Куллэ

Редколлегия
Николай Александров
(современная литература)
Петр Ефремов
(главный художник)
Михаил Одесский
(история и теория литературы)

Редакционный совет
Михаил Айзенберг
Виктор Астафьев
Яков Гордин
Валерий Золотухин
Тимур Кибиров
Михаил Козаков
Лев Лосев
Владислав Муштаев
Валентина Полухина
Лев Рубинштейн
Татьяна Цивьян
Александр Чудаков

Адрес редакции:

127254, Москва,
ул. Добролюбова, 9/11

Телефон: (095) 219-92-63

Факс: (095) 218-03-98

© «Литературное обозрение», 1998
Любое воспроизведение
без разрешения издателя запрещено

СОДЕРЖАНИЕ

Феномен Солженицына

Иосиф Бродский
География зла. Публикация Виктора Куллэ 4

Павел Спиваковский
Феномен Солженицына 8

Роман Якобсон
Заметки об «Августе Четырнадцатого».
Пер. с англ. Т.Т. Давыдовой. Комментарий П.Е. Спиваковского 19

Татьяна Вознесенская
Лагерный мир Александра Солженицына:
тема, жанр, смысл 20

Сергей Кормилов
«Мы забыли, что такие люди бывают».
Ахматова и Солженицын 25

Лев Лосев
Поэзия и правда у Солженицына 30

Лидия Колобаева
«Крохотки» 39

Юрий Цурганов
«Исследования новейшей русской истории».
Под редакцией А.И. Солженицына 45

Шамиль Умеров
Александр Солженицын и ненасилие 49

Ксения Маёрова
Заметки о языке и стиле эпопеи А.И. Солженицына
«Красное Колесо» 55

Павел Спиваковский
Краткая библиография сочинений А.И. Солженицына
и работ о нем 58

Arg poetica

Михаил Поздняев
Из книги «Подражание древним» 69

Непереводимое — сущностное

Лев Рубинштейн
Дружеские обращения 1983 года 73

«...кристалл в перенасыщенном растворе культуры».
Беседа Павла Грушко со Львом Рубинштейном 76

Приношение Пушкину

Ольга Земляная
О «Капитанской дочке» и литературе как учебнике жизни **81**

Литературный процесс

Владимир Новиков
Четыре литературных конъюнктуры XX века.
К постановке вопроса **90**

Геннадий Прашкевич
«Каждый охотник...». Обзор поэтических книг,
вышедших в Сибири в 1994-1998 годах. Часть первая **94**

Наталья Васильева
Взойти на гору с грузом лет за спиной... **105**

Рецензии

Николай Сысола
«Необроненное золото...»
(Юрий Кублановский, «Заколдованный дом») **109**

Ольга Канунникова
Изнанка стула (Самуил Лурье,
«Разговоры в пользу мертвых») **110**

Номера журнала
можно приобрести
в редакции
и в книжных магазинах:

«Московский Дом книги»
Москва, Новый Арбат, 26

«Гилея»
Москва, ул. Б.Садовая, 4

Компьютерная верстка
Ю. В. Балабанов

Корректор
Г. В. Чуба

Рукописи не рецензируются
и не возвращаются.

Свидетельство о регистрации
№ 015130 от 01.08.96.

Подписано к печати 20.08.98
Формат 84x108 1/16
Бумага офсетная
Усл. печ. л. 11,76
Тираж 2900 экз.
Заказ № 1973

Отпечатано с готового
оригинал-макета
в типографии издательства
«Красная звезда».
123826, Москва,
Хорошевское шоссе, 38